

ПРОЕКТ
1984

МИХАИЛ
ТЕВЕРОВСКИЙ
ЗЛО
ТОЙ ЖЕ
МЕРЫ

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т29

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Теверовский, Михаил Григорьевич.

Т29 Зло той же меры / Михаил Теверовский. — Москва :
Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб», 2024. —
320 с. — (Проект 1984).

ISBN 978-5-17-163522-0

Недалёкое будущее. После ряда эпидемий, экономических и политических проблем люди озлоблены, преступность растёт из года в год, а служба в полиции теперь очень опасная и мало популярная профессия...

У Артёма Левинского не было выбора — воспитанник детского дома, по новому закону он не мог не стать полицейским. Артём разочарован в жизни, в людях и в мире вокруг. Единственное, что греет ему душу и даёт мотивацию жить дальше, — жена и дочка, которых он любит всем сердцем. Каждый рабочий день Артём проживает в ожидании вечера, когда сможет вернуться к ним домой, продумывает планы на выходные, мечтает о будущем... Всё это вмиг разбивается из-за политических амбиций и беспринципности Керчева, кандидата в начальники полиции города, выбравшего в роли «сакральной жертвы» семью Левинского.

Потеряв всё, Артём решает отомстить. Возможно ли в мести сохранить свои принципы и личность? Или лишь «око за око» способно хоть как-то заглушить боль вырванного из груди сердца?..

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-163522-0

© Михаил Теверовский, текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Посвящается Коту.
Ты всегда с нами, наш всеми любимый
храбрый Кот.*

ПРОЛОГ

Мелкие капли дождя сыплются с чёрного неба. Я поднимаю голову, подставляя под них лицо, и, зажмурив глаза, стою так с несколько секунд. Кожа чувствует падение каждой легонько покалывающей её капельки. Делаю глубокий вдох полной грудью — свежий влажный воздух... Никогда мне ещё не казалось, что он так вкусно пахнет. Никогда раньше я и не любил и этот всегда начинающийся не вовремя дождь. Как же приятно и хорошо дышать, чувствовать. Жить! Моё сердце начинает биться быстрее, но тут же словно ухает куда-то вниз, когда я вспоминаю её лицо. И лицо нашей малютки-дочери. Я не имею права, да и не хочу отступать. Решение принято. Одним движением натягиваю на лицо резиновую маску, отдалённо напоминающую человеческую физиономию. Это мой шанс обмануть камеры, способные идентифицировать по биометрии. Если они считают моё лицо, то тут же передадут информацию в полицию. А ведь

я и сам полицейский. Вернее, был им. Как же судьба любит поглумиться над нами.

Выныриваю из тёмной подворотни на открытое пространство, окаймлённое высоченными стенами домов. В глаза бросается первое же отличие элитных районов от спальных, предназначенных для бедных, да и даже для людей среднего класса: здесь расположены детские площадки, тут и там встречаются различные качели, песочницы, домики и горки. Тропинки вымощены изящной красной плиткой, на которой не валяется мусор, не разведены лужи или иная грязь. И даже в самом центре находится пусть и небольшой, но приятный зелёный скверик, подсвеченный вереницей светящих ярким светом фонарей. Даже воздух здесь кажется много чище, словно его специально отфильтровывают. Хотя вполне быть может, так оно и есть на самом деле.

Найти нужный дом не составляет труда — таблички с цифрами не стёрты и не покрашены граффити. Даже наоборот — каждая подсвечена яркими светодиодными лампочками. На двери электронный замок, не слишком отличающийся от стандартных. Полицейский взламыватель справляется за пару мгновений, и вот я в подъезде. Таком ухоженном, чистом, с расставленными вдоль стен скамеечками, горшочками с растениями и небольшим фонтанчиком в самом центре у лифтов. И со всех сторон висят камеры. Конечно, они не распознали моё лицо, но вполне

могли послать тревожное сообщение операторам о том, что странный человек, чью личность невозможно идентифицировать, вломился в дом. Интересно, посылает ли сигнал о взломе моя «отмычка»? Неважно. Лифты дистанционно могут заблокировать, а вот лестницу — нет. Поэтому я, не медля ни секунды, начинаю подъём. Десятый этаж... В доме высокие потолки, судя по тому, на каком отдалении друг от друга находятся лестничные площадки. Третий этаж, четвёртый... Раненная несколько дней назад нога начинает ныть и зудеть. Ничего, я справлюсь. Должен справиться. Вот уже и пятый этаж. Дышать под этой чёртовой маской тяжело, но я не снимаю её — над каждым пролётом висит камера. И как же чисто даже здесь, на этой треклятой лестнице. Стены выкрашены в мягкий бежевый цвет, краска нигде не облупилась и не затёрлась, все лампочки светят ярко и даже не помаргивают. Восьмой... Осталось всего четыре пролёта. Я совсем близко.

Наконец нужный мне десятый этаж. Дышать в проклятой маске становится уже невыносимо, но я сдерживаюсь от того, чтобы сорвать её с себя, — ведь осталось совсем чуть-чуть. Выскальзываю в лифтовый холл. Как я и предполагал, по его углам также размещены чёртовы камеры с мелькающими красными огоньками, подсказывающими мне, что они вполне себе работающие. Осматриваюсь. Развешанные по сте-

нам таблички с номерами квартир со стрелочками подсказывают направление к нужной мне двери.

И вот наконец я стою перед ней. Дверью в шестидесятую квартиру. Массивная, железная — я даже не могу себе представить, какую цену за неё могут запросить сегодня. Если бы такая же дверь была у моей квартиры, быть может... Перед глазами я вижу улыбающиеся лица жены и дочери. Мгновение — и в их пустых глазах больше нет жизни. Синеватая холодная кожа, покрытая чередой лиловых гематом и кровавых подтёков. Они мертвы. Полные мучений лица, одинаково перерезанные горла... Оттягиваю почти вплотную сидящую резиновую маску и стираю кончиками пальцев слёзы, образовавшие дорожки по моим щекам. Ещё не время, мне нельзя давать слабину. С другой стороны, будет ли у меня ещё хоть какое-то время?

Отгоняя все мысли, лезущие в голову, я, не теряя более ни секунды, принимаюсь за дело. Устанавливаю взламыватель замков и запускаю анализ. На дисплее высвечивается пятый уровень защиты — самый что ни на есть высокий. Это означает, что после взлома электронный замок в любом случае пошлёт информацию службе охраны. Вот и он, объектив камеры, с которого будет получено фотоизображение на пульте. Что ж, делать нечего. Интересно то, что с год назад алгоритм взламывателя просто-напросто отказался бы выполнять такой запрос. Но, несмотря на

видимое прижимание и схлопывание диапазона прав, доступов и возможностей полиции, был без особой огласки принят закон, всё же дававший правоохранительным органам право врывать в любой дом. Так было сообщено в новых материалах о работе устройства. Время идёт, а ничего не меняется, несмотря на все лозунги, крики и биения себя в грудь о том, что, дескать, мы не такие, как были те, мы другие... Буквально через неделю после принятия этого закона был арестован полицией один из ушедших с официального поста политический деятель, организовавший независимую партию под названием что-то типа «Люди и свобода» или «Свобода человека». Не помню точно, да это и неважно. Партия сразу же привлекла к себе людей, но вот только лидеру ту самую свободу довольно быстро ограничили, подрезали крылья, на которых он вознамерился взлететь как можно выше. Сменяются люди, но не меняются они внутри. Да и власть — штука такая, что способна развратить душу и сознание любого. «Нельзя царствовать и быть невинным»... где же я слышал эту цитату? Нужно собраться, нельзя отвлекаться на эти неугомонно лезущие в голову мысли.

Итак, запустив процесс взлома, я предупрежу охрану. То есть времени у меня будет мало. Но плевать. Срываю с лица осточертевшую резиновую маску, делаю несколько глубоких вдохов, наслаждаясь этим воздухом, теперь полностью

наполняющим мои лёгкие, и запускаю взламыватель. Параллельно с этим решаю проверить замок старого образца, закрывающийся на ключ. Этот пережиток прошлого остаётся во многих дверях, кто-то, особенно прошлое поколение, даже активно ими пользуется. Достаю из внутреннего кармана обыкновенную отмычку и лезу ею в замочную скважину. Несколько мгновений, и мне удаётся нащупать штифт, ближе всего прилегающий к стенке отверстия. Я утапливаю его, параллельно с этим давлю натяжной планкой на цилиндр, жду, пока он сместится, а штифт застрянет в открытом положении. Затем перехожу к следующему штифту. Кажется, на удивление, замок совершенно обычный — видимо, большие надежды на защиту возлагаются на электронный, а этот используется лишь как дань старой моде или же как обыкновенная привычка. Я стараюсь действовать максимально осторожно и тихо, не скрестись отмычкой внутри замка. Щелчок, кажущийся мне в тишине буквально колокольным звоном, затем ещё один... И замок открыт. Взламыватель же ещё подбирает нужный тег. Я снимаю с плеча рюкзак, открываю его и достаю взрывпакет. Снимаю предохранитель с детонатора.

Высокая должность, активная политическая жизнь, дающая множество преференций: от открытых везде дверей до немаленькой заработной платы. Место проживания — такое тихое, спокойное место, наверняка немаленькая, судя

по коридорам, уютная квартира, наполненная всяким дорогим хламом, который не сможет себе позволить и девяносто процентов людей, живущих на Земле. Почему человеку всегда всего мало? Откуда в нас этот самый характер гоголевского Плюшкина, заставляющий грести всё больше, больше и больше, даже идти по головам, если придётся? И это в том числе у тех, у кого, по сути, всё есть. Где же та самая грань, на которой человек сможет обуздать свою жадность, остановиться? И существует ли она в принципе?

Наконец взламыватель издаёт характерный звук — замок открыт. Сердце больше не колотится в безумном ритме, оно словно остановилось. Свободной левой рукой нажимаю на ручку двери, тяну её на себя, а дальше действую будто на автопилоте. По правую руку, судя по всему, гостиная — в ней горит свет и доносится шум включённого телевизора. Возможно, меня никто не встречает в коридоре после колупания с дверью и щелчков замка благодаря звучащей из динамиков череде взрывов, громкого скрежета металла, криков и выстрелов. Звуки мне кажутся знакомыми, быть может, когда-то я смотрел этот боевик — отец ещё в детстве привил мне так называемую «киноманию». Хочу уже направиться в гостиную, но из другой комнаты — расположенной напротив входной двери — до меня доносится мужской голос и затем смех. Преодолеваю длинный коридор, не обращая внимания

на расставленные вдоль стены вазы и висящие на ней картины.

Тут же пересекаю коридор и теперь стою, перегородив своим телом весь дверной проём, ведущий в просторную кухню, которую мало кто может себе позволить сегодня. Прямо передо мной за настоящим деревянным обеденным столом сидят четверо: женщина со стройной фигурой, одетая в домашнюю пижаму, судя по материалу, выполненную из недешёвого шёлка. В руках она держит наполовину уже пустой бокал вина. Рядом с ней — круглолицый мальчик лет десяти. Он испуганно смотрит на меня, часто-часто хлопая глазами. Напротив них две девушки. Одной лет двенадцать-тринадцать, второй — в районе шестнадцати. Они уже больше похожи на отца. У обеих такой же тяжёлый, исподлобья взгляд, чуть выступающая вперёд челюсть, из-за которой — когда их обуревают враждебность в совокупности с ненавистью — выражения лиц девочек становятся схожи со звериным оскалом. У раковины же в одних шортах и заляпанной светло-голубой футболке поло стоит уже начавший лысеть мужчина средних лет, приближающийся к пожилому возрасту, с заметными сединами на висках. Отец всего этого семейства, насколько я понимаю. На дисплеях рекламных щитов и мониторов Леонтий Керчев всегда в строгих костюмах, в них он смотрится статно и даже зачастую несколько величественно.

Вживую же, стоя в нескольких шагах от меня, он выглядит совершенно иначе: дряблая кожа, уже виднеющиеся залысины, из-под одежды выпирает живот. Плохо сложен и сильно горбится. Экранная псевдореальность, как и всегда, хитра и обманчива.

Громогласный и уверенный в себе Керчев теперь застыл, всё ещё держа в руках керамическую чашку из-под кофе или чая, которую он ополаскивал в тот самый момент, как появился я. Мужчина часто моргает, но не сводит с меня своих глаз, кажущихся чёрными. Глаза убийцы, отнявшего у меня всё, пусть и не своими руками. Я подумал, как, должно быть, забавно выглядит вся эта ситуация со стороны. Для какого-нибудь человека, не знающего, что происходит на самом деле.

— Стоило ли оно того? — спрашиваю я медленно, растягивая каждое слово и припечатывая его тяжёлым взглядом, полным ненависти и презрения.

— Я... поймите... я не хотел. Но у меня не оставалось выбора...

— Выбор есть всегда, — грубо перебиваю его я.

Огромная квартира с качественным дорогим ремонтом, заставленная дорожкой мебелью, на одну лишь покупку которой мне нужно было бы работать лет десять, притом ни на что больше не тратясь. Я смотрю на мужчину и искренне недоумеваю — у него было всё. Неужели человеческая жадность вкупе с гордыней и бесконечно расту-

щим властолюбием действительно стоили того, чтобы рискнуть потерять это самое «всё»? Хотя... Наверняка он не мог и в страшном сне подумать, что за его решения и поступки придёт время расплаты. Чувство собственной защищённости, недостижимости и возможности получения всего, чего только захочешь, ослепили его. Наверняка я и моя семья — не первые жертвы его амбиций и целей.

Обвожу взглядом каждого члена этой семьи. Они боятся даже пошелохнуться, заметно лишь, как бокал в руках жены мужчины и матери детей подрагивает. В моей голове отчаянно пульсирует теперь лишь одна мысль, один вопрос: нажать на кнопку детонатора или нет? Одновременно с этим, перемешиваясь с реальностью, в моём сознании, словно на экране перед самими глазами, отдельными кусками пролетают моменты моей жизни. В том числе и те, из-за которых я и оказался здесь, на пороге богато уставленной кухни, с взрывпакетом в руках. Готов ли я отнять жизнь у всех, даже ни в чём не повинных членов семьи Керчева? Кажется, я принял решение. В этот момент с улицы через приоткрытое окно уже доносится вой полицейских сирен.

*Дорога лентой тянется меж ними,
И в этот вечный, мрачный коридор
Давно мы едем с душами пустыми,
Нам не свернуть судьбе наперекор.*

*Когда-нибудь, когда наш час настанет,
То путь пройдёт меж них в последний раз:
Они махнут зелёными ветвями,
Как помнят всех, так будут помнить нас.*

Теверовская Е.Г.

Часть 1. ГОРОД ГРЯЗИ

ГЛАВА 1

Среда, 4 дня до...

Утро

Быть может, когда-то давным-давно этот квартал был комфортным и уютным для проживания. Широкая проезжая часть для автомобилей в четыре полосы ограничивалась по бокам высоко поднятыми тротуарами, защищёнными не только окаймлявшими их бордюрами, но и вереницей невысоких металлических столбиков. Многие из них уже изрисовали и погнули. Встречались даже и вырванные из своих посадочных мест и теперь валявшиеся вплотную к фундаменту очередного дома или прямо у того же бордюра.

По обе стороны сплошной стеной высились в едином стиле многоэтажные дома, издавна